УДК [329.21:94](47)"1905/1917"

ИВАКИН Г.А.

Основные элементы правоконсервативной идеологии черносотенства в начале XX в.

В статье рассматривается идеология черносотенного движения России начала XX в. На основе анализа программных документов черносотенных союзов и организаций и других архивных документов представлены выводы по реализации доктринальной триады «Православие, Самодержавие, Народность» в идеологических установках правоконсервативных сил в период между русскими революциями. Представлены выводы, согласно которым идеология черносотенства представляла собой радикальное выражение русского консерватизма с присущей ему ориентацией на традиционные ценности и патриархальное восприятие самодержавной имперской власти.

Ключевые слова: черносотенство, русский консерватизм, уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность», Союз Русского Народа, Русское Собрание, Союз Русских Людей.

Начало XX века в российской истории стало эпохой формирования и становления первых политических партий и организаций самой разной направленности. Среди них особое место занимали правоконсервативные политические силы, вошедшие в историю под общим названием «черносотенцы». Идеология черносотенства, ее наиболее значимые элементы имеют своей основой религиозно-государственную доктрину власти, сформировавшуюся в рамках русского консерватизма.

Идеология черносотенного движения имеет глубокие исторические корни, что представляется крайне важным и подчеркивает преемственность государственнической идеологии от времени зарождения Русского государства до введения института представительного правления. Уваровская триада «Православие, Самодержавие, Народность», ставшая своего рода политическим кредо правомонархического движения, получила свое развитие в программах и иных документах черносотенных союзов и организаций. Тем самым черносотенцы выступили идейными наследниками консервативной традиции государственно-религиозного строительства, восприняв ее и применив ее в сложных политических реалиях России начала XX в.

В настоящей статье ставится задача представить деидеологизированный научно-исторический взгляд на идеологию черносотенных организаций, проанализировать ее основные доктринальные элементы, их выражение в документах данного политического направления России.

Представляется необходимым сразу определить, что, как отмечает отечественный исследователь С.А. Степанов, «эта идеология не была единой, как не было монолитным все черносотенное движение», но при этом «черносотенцы вобрали в свои программы важнейшие принципы ряда доктрин и учений прошлого века»[1], переосмыслив их и попытавшись адаптировать к новым реалиям. С этим мнением сложно не согласиться, так как вся история черносотенного движения связана с партийно-организационными расколами, внутренними противоречиями и борьбой за лидерство.

Необходимо учитывать, что черносотенное или праворадикальное движение, сформировавшееся в годы первой русской революции, было не только политическим феноменом, но и специфическим продуктом

российских духовных реалий, своеобразной рефлексией на глобальный кризис, охвативший Российскую империю[2]. Черносотенцы отдавали отчет в том, что «Россия, несомненно, переживает тяжелое время, оно делается опасным благодаря постоянной политической смене убеждений – колебанию и расшатыванию властей; благодаря полнейшей неуверенности лучших слуг Царя в завтрашнем дне; благодаря преступному попустительству общественности; наконец, благодаря отсутствию системы и программы в управлении страной»[3]. В этих обстоятельствах можно видеть продолжение того идейно-социального раскола российского общества, начавшегося с конца XVIII – начала XIX в.

В то же время идеология черносотенства изначально носила всесословный характер. Как отмечает С.В. Лебедев, название «Черная сотня» обозначало «с точки зрения правых всесословный общенациональный характер движения»[4]. Данную позицию отстаивает и В.А. Поцелуев, определяющий черносотенцев как русских людей, обеспокоенных «нарушением традиционного уклада самодержавного бытия». Автор отмечает, что «например, в Союз Русского Народа (далее СРН, Союз) «входили представители всех слоев населения – от низов до титулованной знати»[5]. Именно всесословность идеологии черносотенства, опирающейся на традицию религиозно-политической доктрины власти, придала данным движениям всероссийский масштаб.

Необходимо отметить, что у политических оппонентов черносотенцев было другое мнение на характер данного движения. Например, А.В. Тыркова-Вильямс в своих воспоминаниях «На путях к свободе» писала: «После издания Манифеста 17 октября был наскоро сколочен Союз Русского Народа. Признаюсь, я за его рождением не следила, им не интересовалась, из кого он состоял, не знаю. У Союза не было влияния, не было видных вождей и, что, может быть, удивительнее всего, не было средств»[6]. Такая позиция представляется не вполне оправданной и выглядит политизированным заявлением, но отражает восприятие черносотенцев в среде русских либералов того времени.

Обратимся непосредственно к идеологическим установкам черносотенных организаций, действовавших в России в период с 1901 по 1917 г.

Как известно, первой организацией, которую современные исследователи классифицируют в качестве черносотенной, стало Русское Собрание. Как отмечается в Историческом очерке Русского Собрания, вышедшего с дозволения цензуры в Санкт-Петербурге 29 марта 1906 г.: «Первая мысль об учреждении Русского Собрания возникла в октябре 1900 г., когда кружок лиц, убедившихся в той опасности, которую представляла для русского дела космополитичность высших слоев нашего общества, признал желательным дать жизнь националистическому кружку. Основа этого кружка – Православие, Самодержавие и Народность – наметилась сразу»[7].

В 1906 г. руководство Собрания констатировало, что «Православие, Самодержавие и Народность написаны не только на нашем знамени, но составляют основу мировоззрения многих миллионов русских людей»[8].

При этом черносотенцы не рассматривали каждый элемент триады как отдельную составляющую, утверждая, что без привязки с другими они теряют свою силу. Без православия и народности нет истинного самодержавия, как и наоборот. Все элементы конструкции фокусировались в личности монарха, который являлся «персонификацией духа нации», носителем и олицетворением культурного и политического идеалов. Таким образом, наряду с православием (религиозный элемент) русская народность (национальный элемент) занимала равнозначное место, так как и самодержавие, и православие, вытекали из свойств и характера самого русского народа[9].

М.Л. Размолодин пишет в этой связи, что «использование уваровской триады в качестве определителя принадлежности к консервативному сегменту позволяет преодолеть стереотипное мнение об идентичности черносотенной и националистической доктрин. Если черносотенцы ставили в центр своей идеологии защиту православия и вытекающего из него самодержавия и не превозносили нацию как высшую ценность (рассматривая ее производной от двух первых элементов), то русские националисты ставили во главу угла нацию за счет оттеснения других составляющих – православия и самодержавия»[10].

На примере Русского Собрания крайне интересно проследить отношение черносотенцев к вопросу ограничения самодержавной власти. Так, в октябре 1905 г. в обращении Русского Собрания к единомышленным партиям, союзам, русскому народу отмечалось, что Манифест от 17 октября 1905 г. «ни по форме изложения, ни по своему содержанию не указывает на отречение Государя Императора от Самодержавной власти, преемственно дарованной Ему милостию Божией и русским народом, избравшим на царство Дом Романовых»[11].

Данное обращение позволяет сделать несколько выводов о взглядах на государство Русского Собрания: власть императора – от Бога; она ничем не может быть ограничена; фундаментом ее выступает русский народ.

Таким образом, в этих принципах получает выражение лозунг «Православие. Самодержавие. Народность», в котором в связи с вызовами времени все больший приоритет отдается самодержавию.

В тесной взаимосвязи монархизма (идея самодержавия) и Божьей благодати, действующей в православном царстве (идея православия), проявляется традиционность и патриархальность идеологии черносотенства.

Создается впечатление, что черносотенцы будто пытались восстановить сакральный статус монарха, который все больше скатывался к секулярно-профанному. Особенно это видно в личных обращениях на имя Высочайших особ – членов царской семьи. Так, председатель Астраханской народно-монархической партии Тихонович-Савицкий в декабре 1916 г. писал императрице Александре Федоровне, используя не вполне соответствующую времени терминологию: «матушка-царица», «жена Царя нашего и Мать Наследника нашего» и так далее[12].

Нельзя не отметить в этой связи того обстоятельства, что одним из центральных вопросов черносотенного идеологического диспута было обсуждение умаления прерогатив монаршей власти после Манифеста 17 октября 1905 г.

Так, черносотенная организация киевское «Русское братство» следующим образом оценивала Манифест от 17 октября 1905 г. «Вместо ожидавшегося водворения мира и общего удовлетворения, закон 17 октября вызвал лишь новую, небывалую вспышку революции, обошедшуюся России неоценимыми потерями и жертвами, далеко превосходившими все потери и жертвы предшествующего периода смуты». При этом члены организации полагали, что Государь «склонился на сторону мнения талантливого временщика и, шаг за шагом, склоняясь к уступкам, 17 октября минувшего 1905 года решил, отрекшись от некоторых прерогатив Своей Верховной Власти, разделить законодательные полномочия свои с выборными от народа людьми»[13]. То есть ,в отличие от Русского Собрания, «Русское братство» полагало, что царь ограничил свои самодержавные полномочия с целью достижения спокойствия внутри страны. При этом парламентаризм определялся ими как вымышленные С.Ю. Витте «народные вожделения»[14].

В.Л. Шарова отмечает: «Демократия представлялась черносотенцам несомненным злом; убежденность в принципиальной недостижимости народовластия, какие бы избирательные системы или выборные учреждения для этого ни устраивались, и необходимость сохранения общинности, «соборности» – таковы были их социально-политические ориентиры»[15]. В качестве примера можно привести программу Вятской народно-монархической партии, базировавшейся на историческом обосновании русской государственности: «устоями политических основ Российского государства, как это исторически осталось на Руси, партия полагает: религию, Царя – кормчего государственного корабля и главенство во всем русской народности»[16].

Еще одна крупная черносотенная организация – Союз Русских Людей – одобрительно восприняла инициативу монарха по созданию представительного органа власти. В своем заявлении в апреле 1905 г. Союз отмечал: «Много на Руси непорядка, и велик он. Но есть у нас Царь, помазанник Божий, бескорыстный и беспристрастный, он все свое благо полагает во благе народа и за всех нас болеет. И видит сам Государь, что правды на Руси не стало, и голос народный до Престола Его не доходит. И вот Государь в Рескрипте 18 февраля 1905 года поведал Свою волю призывать достойнейших, выборных от народа людей, дабы при их участии предварительно обсуждать, какие

издавать законы на благо всякого Его подданного и как лучше вершить Ему дела государственные». В качестве же своих задач в этом направлении Союз определял правильное выполнение царской воли и бескорыстный выбор «по первому государеву призыву истинно достойных людей»[17]. Очевидно, что под достойными людьми Союз понимал монархически настроенную часть общества, а не противников самодержавного строя.

В противовес точке зрения Русского братства иную позицию занимал СРН, который в своей избирательной программе 1907 г. заявлял, что «народ отныне должен не только выяснять свой потребности, но и разрабатывать законы, которыми определялись бы способы, как удовлетворять эти потребности», а на Государственную Думу следует смотреть «как на якорь спасения для России, а не как на забаву личным честолюбиям; она должна помочь Государю избавить нас от того ужасающего настроения, к которому привел ее наш чиновный строй»[18]. Члены Союза полагали, что Манифест 17 октября следует принимать с глубокой благодарностью как волю императора «разделить с народом бремя управления разноплеменным и громадным Всероссийским Государством»[19]. В данном случае мы видим, что самодержавие понимается в том числе и как право монарха ограничить себя ради высшей цели, при этом данное самоограничение трактуется как проявление вышей власти, а не как слабость или вынужденная мера. Такова воля государя.

При этом во время допроса 24 июля 1917 г. Н.Е. Марков в ответе на вопрос Председателя следственной комиссии о задаче СРН заявил, что она заключалась в укреплении монархической власти в России, уточнив при этом: «…в нашем утвержденном Уставе ясно значится, что мы признаем Государственную Думу и должны в ней работать». Председатель обратил внимание Н.Е. Маркова на то, что с мест в руководство СРН приходили ходатайства против Государственной Думы, на что Н.Е. Марков ответил: «Я таких обращений не помню … Союз Русского Народа весьма большая организация … там были, возможно, самые различные взгляды отдельных лиц, групп, даже отделов …»[20]. Таким образом, можно сделать крайне важный вывод о том, что даже внутри такой значимой черносотенной организации, как СРН, не было единства взглядов по вопросу об ограничении самодержавного строя.

Православие являлось одной из фундаментальных основ идеологии черносотенства, в программе каждой партии причисляющей себя к этому движению. Упоминание о нем было обязательно и всегда присутствовало в форме первого компонента уваровской триады.

Например, СРН в первом пункте своей программы указывал, что «Союз признает веру Православную, исповедуемую всем коренным Русским населением, основою Русской жизни, господствующею в России, не делая в Православии никакого различия между последователями старого и нового обряда»[21]. Обращает на себя внимание тот факт, что СРН не делал различия между официальной православной религией и старообрядчеством.

Для черносотенцев представлялось нераздельным существование самодержавного строя и господство православной религии. В программе Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (Союз Михаила Архангела) указывалось: «Благо Родины зависит от сохранения в чистоте православной Веры, Русского неограниченного Царского Самодержавия и Русской самобытности». Далее заявлялось: «Народ Русский в подавляющем большинстве православный, а потому Православной Церкви, покоящейся на канонических началах соборности и правильного приходского устройства, должно быть предоставлено первенствующее в России положение»[22].

В совместной избирательной программе для выборов в Государственную Думу Русского Собрания и СРН и их единомышленников отмечалось, что «Православная Церковь сохраняет в России господствующее положение, и голос ее должен быть выслушиваем законодательной властью, как было встарь в важнейших государственных вопросах»[23].

Русский Монархический Союз одной из своих главных задач видел укрепление «в стране русской исторической государственности на основах Православия»[24]. При этом программа говорила о веротерпимости, но с точным указанием пределов

этой веротерпимости «и правил охранения ее, чтобы не было со стороны неправославных посягательства на права Православной Церкви, на целостность ее паствы и на чистоту ее вероучения и нравоучения»[25].

Требование первенства РПЦ подразумевало восстановление утраченных церковью в результате Петровских реформ позиций и усиление ее влияния в государственных делах[26]. Таким образом, мы выходим на второй аспект религиозной идеологии черносотенства – государственнический. Русская Православная Церковь рассматривалась ими как фундаментальный институт, способный к формированию государственной политики. Как представляется, именно с этим связана активность духовенства и в работе Государственных Дум именно в лоне черносотенных фракций: смычка здесь была как на идейном, так и на прагматическом уровне. При этом заинтересованность прослеживалась с обеих сторон: черносотенство использовало Церковь в качестве духовной опоры своей политической платформы, в то время как сама Церковь пыталась с помощью политического влияния черносотенцев продвигать свои корпоративные интересы.

Крайне показательным в этом аспекте является письмо Дубровина Патриарху Вселенскому Дамиану, написанное в 1907 году, в котором мы можем проследить тенденцию к обобщению сакральной власти монарха как олицетворения всего русского народа. А.И. Дубровин благодарил Патриарха за икону Воскресения Христова, благословив которой «нашего обожаемого Монарха», Патриарх, по мнению главы Союза Русского Народа, благословил «и весь русский народ»[27].

Как представляется, в данном случае мы имеем дело со своего рода спекулированием на авторитете Вселенского Патриарха, который не имел никакого отношения к черносотенному движению. Его фигура использовалась для придания значимости самому движению, выступавшему от лица всего русского народа, который, согласно концепции черносотенства, находил свое концентрированное выражение в сакральной личности монарха.

Таким образом, «православный» компонент уваровской триады был не только идеологической составляющей движения, но и имел свое реальное выражение в работе духовенства во многих отделениях правомонархических партий, а также и в их руководстве.

Одним из важных элементов черносотенной идеологии было отстаивание принципа Народности. При этом народность трактовалась именно как русскость, в тесной связи с Православием и лояльностью самодержавному режиму.

На Первом Всероссийском съезде русских людей (Москва, 6–12 апреля 1906 г.) впервые была высказана консолидированная позиция черносотенцев по национальному вопросу. В качестве основных врагов Русского государства были определены немцы и евреи. В Постановлении съезда по немецкому вопросу отмечалось следующее: «Уничтожить: привилегии немецкого населения, вредные для местного блага населения и всей России... Признать государственной опасностью возможность немецкой колонизации немецкого края». В отношении же евреев предлагалось ограничить их в правах, как-то: ограничение в поступлении на государственную, общественную и военную службу, «равно как и к пользованию политическими правами в России». Документ подытоживал: «признать, что равноправие Евреев с Русскими грозит нам порабощением»[28].

Как известно, особое внимание черносотенцы уделяли национальному вопросу, который имел для них цивилизационное значение. На наш взгляд, было бы неверно записывать черносотенные организации в вульгарный антисемитизм, хотя справедливости ради нужно сказать, что встречались и такие мнения.

Примером, показывающим значение «еврейского вопроса» для идеологии и деятельности черносотенцев, выступает отношение Херсонского Губернатора от 12 июля 1907 г. на имя Департамента Полиции. Согласно этому документу, у членов СРН, «состоящих едва ли не исключительно из простого народа, почти одна только ненависть к евреям. Среди местного интеллигентного общества Союз не пользуется почти никаким влиянием»[29]. Как видно из документа, широкая социальная поддержка движения имела и обратную сторону, связанную

с тем, что она была направлена против определенных по этническому признаку социальных групп.

Важно заметить, что у черносотенцев помимо евреев были и другие враги с национальным оттенком. Так. в донесении, поступившем 22 декабря 1915 г. в департамент полиции, отмечалось, что Всероссийское Совещание монархических организаций и правых деятелей, проходившее в Нижнем Новгороде 26–28 ноября 1915 года, постановило признать украинофильство («мазепинцы») «явлением крайне опасным, имеющим в виду расчленить Русь, чтобы воссоздать «украинскую» народность»[30].

На другом совещании монархистов, проходившем 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде, в своем постановлении черносотенные организации в качестве внутренних врагов государства определили «германцев»: «признать германцев, вступивших в русское подданство после 1870 г., иностранными подданными со всеми вытекающими из сего по закону последствиями… прекратить прием в русское подданство лиц немецкого происхождения, состоящих подданными враждующих с нами государств»[31].

Между тем существовали черносотенные организации, считавшие возможным принимать евреев в свои ряды, одной из них был Отечественный патриотический Союз В.Г. Орлова. Как следует из письма председателя отдела мастерских Московско-Курской железной дороги Союза имени Михаила Архангела А. Сталинского, заверенного секретарем Союза Н.М. Юскевичем-Красковским и направленного в Главную палату Союза от 2 января 1916 г., по мнению данной организации, «Орлов стал открытым сторонником евреев»[32], а деятельность его рассматривалась как провокаторская. Из письма следует: В.Г. Орлов совершил подлог, заверив в соответствующих органах (МВД) Устав Отечественного монархического союза, в котором прописывалось, что «евреи ни в коем случае в Союз не принимаются»[33], но в печатной версии Устава этой фразы уже не было.

Таким образом, ввиду разнородности самого движения сложно однозначно определить позицию черносотенцев по национальному вопросу. С одной стороны. их отличал непримиримый антисемитизм, граничащий с бытовой ксенофобией и шовинизмом, что было особенно характерно для низовых первичных организаций. С другой стороны, лидеры черносотенного движения демонстрировали более умеренные взгляды по данному вопросу, критикуя другие национальности в политическом контексте.

В результате формировалось два параллельно существовавших представления о «народности». Первое уравнивало понятия «народность» и «русскость», второе было более широким и трактовало народность как духовную общность на основе Православия (без учета национального признака).

В целом, подводя итоги рассмотрения идеологических основ черносотенства, следует указать на то, что становление отечественной консервативной мысли является уникальным и специфическим направлением в рамках исторического развития России. К началу XX века, когда черносотенное движение вышло на историческую сцену в качестве самостоятельной политической силы, русская консервативная идея окончательно сформировалась в рамках историко-государственной традиции, найдя свое выражение в правомонархической идеологии черносотенного движения.

Сохранение на протяжении веков сакрального статуса государя имело принципиальное значение для всего периода формирования консервативной мысли. При этом сакральность монарха автоматически переносилась и на все государственно-географическое имперское пространство. Сакральным становилось само государство, что автоматически выводило его из юридической плоскости в область метафизическую. Нарастающее демократическое движение, ориентированное на западную политическую мысль, воспользовавшись завоеваниями революции 1905 года, выступило с инициативами по реформированию политической системы. В этих условиях наиболее консервативные силы государства объединились на основе традиционных ценностей, дабы попытаться отстоять многовековые устои российской государственности.

Находясь в ситуации, когда старые политико-идеологические формы вступали в противоречие с модернизационными

процессами, они были вынуждены искать компромиссы, чтобы соблюдать баланс и не быть обвиненными в обскурантизме и ретроградстве. Именно с этими устремлениями связано тяжелое признание частью черносотенного движения необходимости ограничения самодержавной власти парламентскими институтами. Заметим, что даже самые радикально настроенные черносотенные партии и организации не отрицали саму идею народного представительства, хотя бы и в совещательной форме.

Еще одним компонентом черносотенной идеологической конструкции являлось признание Православия в качестве основополагающего, базового мировоззрения, на основе которого должно выстраиваться все здание российской государственности. Православная вера рассматривалась черносотенцами как базовое, необходимое условие для существования России как независимого государства. При этом данное существование, с их точки зрения, было возможно лишь в рамках имперской парадигмы. Имперскость как преемственность православной византийской государственности предлагалась черносотенцами в качестве единственно возможного состояния Русского государства.

Вследствие рассмотрения России как империи, черносотенные организации настаивали на незыблемости самодержавной власти, пусть и при условии наличия ограниченного народного представительства. Черносотенцы видели в самодержавии гарант стабильности и целостности государства, в Православии – его идейную основу, сакрализирующую высшую власть, а народность рассматривали в качестве необходимого идеологического элемента по консолидации социальной базы империи. Таким образом, провозглашение и защита самодержавия, Православия и народности были связаны с пониманием ими империи как высшей формы государственности и сохранением ее единства.

[1] Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. С. 21–22.

[2] См.: Хижий М.Л. Православие и идеология правого радикализма в начале XX столетия в России. Дис.... канд. философ. наук: 09.00.13. СПб., 2006.

[3] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 498. Л. 12.

[4] Лебедев С.В. Материалы по истории русско-государственнического движения. 2004. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://lindex-ru.org/Lindex3/Text/lebedev/.

[5] Поцелуев В.А. Россия (конец XIX – начало XXI в.). Т. 1. Модернизация (1894–1920). М.: Человек, 2012. С. 173.

[6] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Под общ. научн. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С. 165.

[7] ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 236, 1906. Д. 186. Л. 41.

[8] ГАРФ. Ф. 102. ООДП. Оп. 236, 1906. Д. 186. Л. 44.

[9] Размолодин М.Л. Православно-религиозные основы черносотенной идеологии // Вестник Томского государственного университета. 2010. №4(12). С. 32.

[10] Размолодин М.Л. Идеология правомонархических организаций в России в начале XX века. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Ярославль, 2012. С. 26.

[11] ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 236, 1906. Д. 186. Л. 11.

[12] ГАРФ. Ф. 116. Оп.1. Д. 618. Л. 63.

[13] Докладная записка Его Высокопревосходительству Господину Председателю Совета Министров, Статс Секретарю Ивану Логгиновичу Горемыкину 3 июня 1906 г. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

[14] Докладная записка Его Высокопревосходительству Господину Председателю Совета Министров, Статс Секретарю Ивану Логгиновичу Горемыкину 3 июня 1906 г. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

[15] Шарова В.Л. Праворадикальная идеология в России: истоки и преемственность // Политико-философский ежегодник. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 122.

[16] Вятская народная монархическая партия. Программа. Вятка: Губернская типография, 1906. С. 3. ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 633. Л. 2.

[17] Заявление Союза Русских Людей. 14 апреля 1905 г. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 15. Л. 37.

[18] Избирательная программа Союза Русского Народа для выборов в Государственную Думу. Типография И. Генералова. СПб. 1907 год. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.

[19] Избирательная программа Союза Русского Народа для выборов в Государственную Думу. Типография И. Генералова. СПб., 1907. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.

[20] Допрос Н.Е. Маркова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. М. – Л., 1927. Т. VI. С. 175–205.

[21] Программа Союза Русского Народа // Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917–1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 766.

[22] Русский народный союз им. Михаила Архангела. Программа и Устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу». 1908. № 692) // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

[23] Избирательная программа для выборов в Государственную Думу, объединившейся партии Русского Собрания, Союза Русского Народа и их единомышленников. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

[24] Программа Русского Монархического Союза. М.: Русская печатня, 1911. С. 21. ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 246. 1916. Д. 358. Л. 307.

[25] Программа Русского Монархического Союза. М.: Русская печатня, 1911. С. 19. ГАРФ. Ф. 102. ООДП. Оп. 246. 1916. Д. 358. Л. 306.

[26] Размолодин М.Л. Защита христианской традиции как основная функция Черной Сотни // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3. С. 76.

[27] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 4. Л. 14об.

[28] Постановление Первого Всероссийского съезда русских людей. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 77. Л. 1об.

[29] ГАРФ. Ф. 1467.Оп. 1. Д. 851. Л. 55.

[30] ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 293.

[31] Постановления Совещания Монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. С. 32. ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 1916. Д. 358. Л. 352.

[32] ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 246, 1916. Д. 244. Т. 1. Л. 10об.

[33] ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 246, 1916. Д. 244. Т. 1. Л. 9.